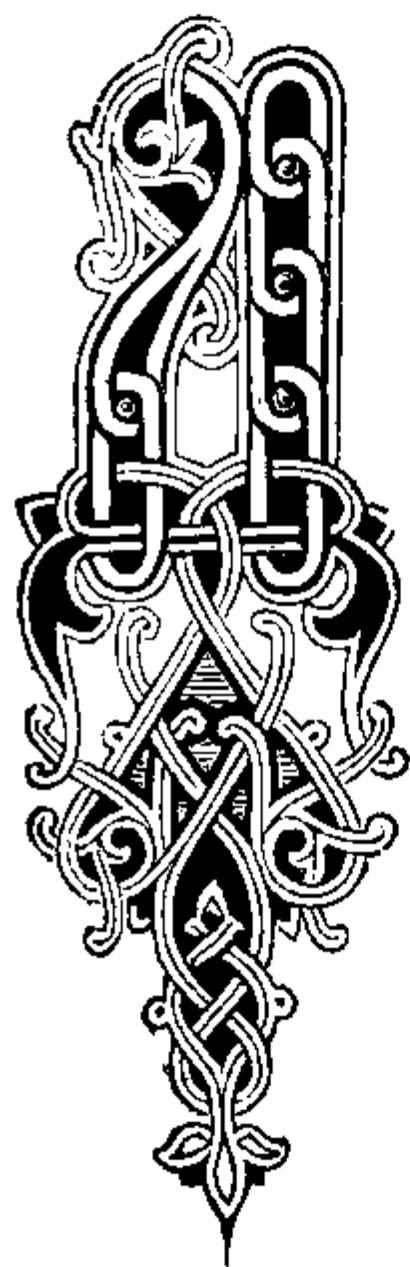

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ ¹⁾.

ВАДЦАТЬ пятаго мая 1774 года восемь всадниковъ съ двумя запасными лошадьми пробирались глухою лѣсной тропой близъ Уральской сопки, что могучей вершиной выдвинулась какъ разъ на границѣ между Европой и Азіей. Лошади шли шагомъ и видимо были сильно утомлены. Даже запасныя шли, понуря головы. Впереди ѣхалъ молодой парень лѣтъ двадцати трехъ; по охотничьей винтовкѣ за плечами, рваному суконному азыму ²⁾ и такой же шапченкѣ на головѣ, его скорѣе всего можно было принять за рабочаго съ какого нибудь завода. Повидимому, онъ былъ вожатымъ для своихъ спутниковъ. Внимательно осматривалъ онъ тропу, оставившись, иногда круто сворачивалъ въ сторону...

Остальные семеро непрекословно поворачивали за нимъ и ѣхали почти слѣдъ въ слѣдъ. Но это уже не были заводскіе крестьяне.

¹⁾ Конецъ мая и начало іюня 1774 года — самая темная страница въ исторіи Пугачевского бунта. Втеченіе этихъ двухъ недѣль Пугачевъ работалъ по заводамъ южнаго Урала, главнымъ образомъ въ нынѣшнемъ Златоустовскомъ округѣ. Преслѣдованіе его въ глухихъ дебряхъ Урала было невозможно даже для Михельсона, который одинъ только и держался еще нѣкоторое время въ этихъ мѣстахъ со своимъ малочисленнымъ отрядомъ, а потому не было лица, которое своими донесеніями могло бы вести, такъ сказать, дневникъ его дѣятельности. Чтобы хоть сколько нибудь освѣтить эту темноту, за неимѣніемъ строгихъ историческихъ данныхъ, пришлось обратиться къ преданіямъ народнымъ. Преданія эти собраны авторомъ на мѣстѣ. Живы еще люди, которые отлично помнятъ участниковъ Пугачевского бунта и слышали лично отъ нихъ рассказы о давней старинѣ. Эти-то рассказы, воспоминанія и преданія и положены въ основаніе настоящаго очерка.

²⁾ Кафтаны.

По вооруженію
признать
У одно
въ остальн
рищей: дл
съ богатою
очень вну
по крайней
предназнач
въ поводу.
или, по кр
На видъ е
старше сво
лице; въ ш
ждевременн
комъ молод
мая энергія
ниже средн
изъ тѣхъ л
крѣпко сш
кой переби
изъ писто
онъ былъ о
вспоминало
начиналъ п
какъ будто
сдерживалъ
Казак
сухаго вале
Изрѣдка и
глухарь, ст
хомъ ельни
Ѣхали цѣл
дой прогали
чащи. Ѣхат
одинъ изъ
— Оеды
— Да у
то прогляд
Впереди
становился
слонила соб
ники выѣха
крытую глу
вленную тя

По вооруженію и характернымъ костюмамъ, въ нихъ легко было признать казаковъ.

У одного изъ казаковъ не было за плечами винтовки, но зато въ остальномъ онъ былъ вооруженъ гораздо лучше своихъ товарищей: длинный турецкій кинжалъ, за поясомъ пара пистолетовъ съ богатою серебряной насѣчкой и кривая шашка на ремнѣ были очень внушительны. Да и лошадь подъ нимъ была лучше или, по крайней мѣрѣ, свѣжѣе другихъ: должно быть, именно для него предназначались запасныя лошади, которыхъ его товарищи вели въ поводу. По всему былъ виденъ въ немъ прямой начальникъ, или, по крайней мѣрѣ, старшій въ маленькомъ казачьемъ отрядѣ. На видъ ему было лѣтъ подъ сорокъ; но онъ навѣрно выглядѣлъ старше своихъ лѣтъ: его старило смуглое, нѣсколько рябоватое лице; въ широкой черной бородѣ уже замѣтно проглядывала преждевременная сѣдина, но глаза, почти черные, горѣли еще блескомъ молодости; въ нихъ свѣтилась необузданная воля, неутомимая энергія; сухощавый, немного сутоловатый, роста, пожалуй, даже ниже средняго, но очень широкій въ плечахъ — это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ говорятъ: неладно скроенъ, да крѣпко шить. Онъ задумчиво покачивался на сѣдлѣ, лѣвой рукой перебирая поводья своего коня, а правую положивъ на одинъ изъ пистолетовъ. Не веселая, видно, думы бродили въ его головѣ; онъ былъ сумраченъ; иногда глаза его загорались злобой, будто вспоминалось ему что-то тяжелое, въ эти минуты онъ быстрѣе начиналъ перебирать поводья и сжималъ крутые бока своего коня, какъ будто желая ускакать отъ неотвязныхъ думъ, но тотчасъ же сдерживалъ свой порывъ и снова погружался въ задумчивость...

Казаки ѣхали молча; только мѣрный топотъ лошадей да трескъ сухаго валежника нарушалъ торжественную тишину лѣсной чащи. Изрѣдка изъ-подъ самыхъ ногъ лошадей съ шумомъ срывался плухарь, столбомъ взвивался надъ деревьями и исчезалъ въ глухомъ ельникѣ. И опять все тихо... Тропа уже давно кончилась. Ѣхали цѣлиной, едва пробираясь между деревъ и пользуясь каждой прогалинкой, каждымъ чистымъ мѣстечкомъ среди лѣсной чащи. Ѣхать становилось труднѣе съ каждымъ шагомъ. Наконецъ одинъ изъ казаковъ не выдержалъ и крикнулъ вожатому:

— Ѳедька, слышь ты! Скоро-ль чаща-то кончится?

— Да ужъ выѣзжаемъ! — отозвался тотъ. — Аль не видишь, сопка-то проглядывать стала!

Впереди дѣйствительно лѣсъ потемнѣлъ, хотя уже замѣтно становился рѣже. Видно было, что какая-то громадная масса заслонила собою просвѣтъ. Лошади прибавили шагу. Наконецъ путники выѣхали на широкую лѣсную поляну, съ трехъ сторонъ закрытую глухой стѣной ельниковъ, а съ четвертой какъ бы задавленную тяжелой массой Уральской сопки. Чахлая лѣсная по-

росль покрывала крутые склоны горы, а чѣмъ выше, тѣмъ бѣднѣе становилась эта жалкая растительность; самая же вершина занята глыбами голаго кварца, образовавшаго тамъ множество прихотливыхъ башенокъ, колонъ и переходовъ... Точно развалины какого-то древняго замка увѣнчали собою вершину горы.

Казаки осмотрѣлись, выбирая себѣ укромное мѣсто для отдыха. Ихъ выборъ палъ на каменистую площадку у самага подножія сопки. Площадка эта не болѣе десяти сажень, со всѣхъ сторонъ задвинута громадными глыбами кварца, вѣроятно, еще въ незапамятныя времена свалившимися съ вершины горы. Изъ этого каменнаго гнѣзда казакамъ было отлично наблюдать за всей мѣстной поляной, тянувшейся отъ горы до самыхъ ельниковъ, оставаясь въ то же время недоступными для посторонняго глаза. Въ случаѣ же надобности и скрыться отсюда было удобно: не дальше трехъ шаговъ начиналась каменная розсыпь, откуда былъ уже свободный ходъ или по широкой разсѣлинѣ на верхъ горы, или въ глушь ельниковъ, темнозеленымъ кольцомъ охватившихъ сопку. Повидимому, всѣ остались очень довольны выборомъ.

— Мѣсто надежное! — проговорилъ проводникъ. — И ключикъ здѣсь не дивно ¹⁾ далеко... Важно бы расположиться!

— А это ужъ какъ государь-батюшка прикажетъ! — замѣтилъ одинъ изъ казаковъ, въ полоборота посматривая на своихъ товарищей.

Смуглолицый казакъ, выглядѣвшій начальникомъ отряда, живо отозвался на это замѣчаніе.

— А по мнѣ что-жъ! Какъ атаманы хотятъ! — проговорилъ онъ, зорко всматриваясь въ мѣстность.

Казаки начали спѣшиваться.

Проводникъ Оедька, услышавъ замѣчаніе казака на счетъ воли государевой, разинулъ ротъ отъ удивленія, и какъ сидѣлъ въ сѣдлѣ, такъ и окаменѣлъ, уставившись на смуглолицаго казака. Казакъ въ свою очередь пытливо смотрѣлъ на него. Прошло нѣсколько секундъ... и Оедька какъ кулекъ свалился съ сѣдла и упалъ на колѣна:

— Такъ неужто-жъ ты и есть нашъ явленный государь Петръ Оедоровичъ? — проговорилъ онъ, пораженный такою неожиданностью.

— А вотъ спроси моихъ атамановъ, слугъ моихъ вѣрныхъ, они скажутъ тебѣ, — съ усмѣшкой отвѣчалъ казакъ, сходя съ коня и отдавая поводья одному изъ этихъ атамановъ.

— Вотъ привелъ Богъ сослужить службу царю-батюшкѣ, незнамо-невѣдомо! — продолжалъ кланяться Оедька.

— Спасибо за службу! За Богомъ молитва, а за царемъ служба

¹⁾ Очень.

никогда не
каменистой
а пока пом

— Радъ

Оедоръ

къ нему съ
еще продо
«батюшку».

Этотъ «
сподвижникъ
ственными

мая разбилъ
Пугачевъ в

бить. Онъ у
болѣе близк
водникъ, от

отряду, — во
которой онъ
ицкой. Въ

вездѣ грози
сился въ г
если можнос

Таково
когда онъ
розсыпяхъ
сопки на р

Казаки
траву; нѣк
никъ Оедь

Время уже
сумахъ ока
шелся кара

рячій обѣд
Когда О

нялись кос
— Ты,
сдается мн

— Поли
почудилось

— Не
— Экъ
Пугачевъ

Презритель
быстро пер
— Что

никогда не пропадаетъ! — отозвался казакъ, отходя къ выбранной каменистой полянкѣ. — Служи мнѣ вѣрно, въ накладѣ не будешь, а пока помалкивай до времени!

— Радъ служить тебѣ, батюшка, по гробъ жизни моей?..

Федоръ долго бы сталъ еще причитать, но казаки приступили къ нему съ разспросами о мѣстности, и онъ замолчалъ, но долго еще продолжалъ ахать и охать, подобострастно взглядывая на «батюшку».

Этотъ «новоявленный батюшка» былъ Пугачевъ со своими сподвижниками, уцѣлѣвшими отъ разгрома его шаекъ правительственными войсками сначала подъ Троицкой крѣпостью, гдѣ 21-го мая разбилъ его Декалонгъ, а затѣмъ у деревни Лягушиной, гдѣ Пугачевъ впервые встрѣтился съ Михельсономъ и снова былъ разбитъ. Онъ ускакалъ съ поля битвы въ сопровожденіи шести наиболее близкихъ ему и преданныхъ казаковъ. Эти шестеро да проводникъ, отлично знавшій мѣстность и случайно примкнувшій къ отряду, — вотъ все, что осталось отъ его десятитысячной арміи, которой онъ еще четыре дня тому назадъ командовалъ подъ Троицкой. Въ открытомъ полѣ, по ту сторону Уральскаго гребня ему вездѣ грозили разѣзды Михельсоновской конницы, и онъ бросился въ горы, рѣшивъ переждать здѣсь до времени, «скопиться», если можно, и тогда уже ударить на Михельсона.

Таково было положеніе смѣлаго самозванца, 25-го мая 1774 года, когда онъ съ небольшою горстью людей скрылся въ каменныхъ розсыпяхъ и глухихъ, почти непролазныхъ ельникахъ Уральской сопки на рубежѣ Европы съ Азіей.

Казаки разсѣдлали лошадей, стреножили ихъ и пустили на траву; нѣкоторые принялись собирать сухой валежникъ; проводникъ Федька съ двумя котелками отправился на ключъ за водой. Время уже подвигалось къ обѣду; у казаковъ въ переметныхъ сумахъ оказался небольшой запасъ пшена и сала, а у Федьки нашелся каравай хлѣба: можно, значить, было рассчитывать на горячій обѣдъ.

Когда Федька отошелъ, направляясь къ ключу, а казаки занялись костромъ, Пугачевъ подозвалъ къ себѣ одного изъ нихъ.

— Ты, Чумаковъ, попригляди за Федькой-то! Ненадеженъ онъ, сдается мнѣ... Не хитритъ ли?

— Полно, Емельянъ Ивановичъ! — усмѣхнулся тотъ. — Что тебѣ почудилось? Больно ужъ ты не вѣренъ сталъ?

— Не надеженъ, сдается мнѣ...

— Экъ ты напужали, право!...

Пугачевъ нахмурился. Чумаковъ тотчасъ же замѣтилъ это. Презрительная улыбка скользнула по его умному лицу, но онъ быстро перемѣнилъ тонъ...

— Что-жъ, коль прикажешь, присмотрѣть можно... Не мѣшаетъ!..

И, обратясь къ одному изъ молодыхъ казаковъ, крикнулъ:

— Шалинъ! Видѣль, куда Оедька пошелъ? Поторопи-ка его... Да пашку-то не отцѣпляй... Такъ иди!..

Казакъ скрылся за камнями. Пугачевъ заговорилъ снова.

— Ты всѣхъ лошадей велѣль разсѣдлатъ?

— Это ты про запасныхъ-то?—въ свою очередь спросилъ Чумаковъ.—Разсѣдлали и ихъ... Вѣдь коли что потревожатъ, пѣшкомъ уходить надо! Самъ знаешь, тутъ на конѣ далеко не ускачешь!

— И то правда!—согласился Пугачевъ и задумчиво сталъ смотрѣть на разгоравшійся костеръ.

Казакъ, покончивъ съ лошадьми, также подошли къ костру, но усѣлись немного поодаль, изрѣдка перекидываясь, да и то въ полголоса отдѣльными замѣчаніями.

Со стороны ключа слышался трескъ сухаго валежника, и скоро на поляну вышелъ Оедька съ двумя котелками въ рукахъ, Шалинъ и еще какой-то старикъ, крестьянинъ. Чумаковъ поспѣшно вышелъ къ нимъ навстрѣчу, пошептался съ Шалинымъ и, вернувшись назадъ, передалъ что-то на ухо Пугачеву и усѣлся на свое мѣсто. Крестьянину было на видъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, но онъ казался еще очень бодрымъ. Повидимому, онъ брелъ не издалека: у него, кромѣ длинной палки въ рукахъ, ничего не было. Подойдя къ сидѣвшимъ у костра, онъ снялъ шапку, отдалъ общій поклонъ и проговорилъ:

— Миръ на стану, добрые люди! Здравствуйте!

— Здравствуй и ты!—за всѣхъ отозвался Чумаковъ.—Откуда Богъ несетъ?

— А съ завода мы! — отвѣчалъ старикъ, выдвинувъ впередъ себя палку и опираясь на нее обѣими руками.

— Съ какого завода?

— А изъ Златоустова... Дочь у меня въ Кундраву выдана... Да, слышь, погромъ тамъ былъ... Вотъ и шелъ провѣдать, значить, внучатъ посмотрѣть... Живы ли еще, поди... Эко времечко-то Господь послалъ!..

— Ой и врешь же ты, старикъ, лихо врешь!—насмѣшливо замѣтилъ Чумаковъ.—Въ Кундраву, вишь ты, плетется!... А зачѣмъ же сюда-то занесла тебя нелегкая?

— Сюда-то зачѣмъ зашелъ, говоришь?—спокойно промолвилъ старикъ.—А затѣмъ и зашелъ, что испить ужъ больно охота была... А ключа-то ближе этого нѣтъ отъ дороги!

— Какъ такъ ближе нѣтъ?—изумился Чумаковъ.—Мы ѣхали, ѣхали съ дороги-то и конца видѣть не чаяли, а тебѣ близко выходить?

Пугачевъ и другіе казаки также были очень удивлены этой неожиданной новостью и твердо были увѣрены, что старикъ хитритъ.

— Видно медленно за... Такъ, извѣсно пѣшеходная этого мѣста

Оедька пѣшеходная дѣйствитель

— А на сматривая т

— Гдѣ, то брату ин дится... Гдѣ

Старикъ

вая, что это хомъ не по

разъ его чу сили за цар

вторилъ сво

— Вѣрн ближніе, съ

— А кто

— Отче говорилъ Чу жется... Въ

таковы. Пов

— Какъ сказываешь!

Старикъ слуги, поду

разспросы в ностяхъ, онт

куда надо г

— Снача на камень было, что на Оедоровичъ, какъ вѣру-то сказать: батоги, раз куда бойчѣе разбои пош за сѣномъ и Слава Богу, ужъ безпрем у царя ново

— Видно, не знаете вы, господа честные, нашихъ ельниковъ! — медленно заговорилъ старикъ. — Вы вѣдь конной тропой ѣхали?... Такъ, извѣстное дѣло, далеко... Не вездѣ на конѣ-то проѣдешь. А пѣшеходная тропка идетъ, почитай что, совсѣмъ прямехонько... Съ этого мѣста и версты не будетъ до дороги!

Өедька подтвердилъ слова старика, сказавъ, что такая тропа дѣйствительно есть.

— А на конѣ по ней не проѣхать? — спросилъ Пугачевъ, поглядывая то на старика, то на Өедьку.

— Гдѣ, батюшка, проѣхать! — отозвался старикъ. — И нашему-то брату иной разъ звѣрьемъ на четверенькахъ пролѣзть приходится... Гдѣ тутъ проѣхать!.. А вы ништо не ближніе?

Старикъ пытливо смотрѣлъ на казаковъ, какъ будто обдумывая, что это за люди, и какъ держать себя съ ними, чтобы грѣхомъ не попасть впросакъ. Онъ былъ уже травленный волкъ: одинъ разъ его чуть не разстрѣляли за царя, а въ другой чуть не повѣсили за царицу, а потому онъ и боялся «не потрафить». Онъ повторилъ свой вопросъ, на который отозвался Чумаковъ.

— Вѣрное ты слово сказалъ, старина! Люди мы и впрямь не ближніе, съ вашей чащобой незнакомые!

— А кто-жъ таковы будете, коли спросъ не въ обиду?..

— Отчего не спросить... не зря же языку-то болтаться! — проговорилъ Чумаковъ: — а ужъ за отвѣтъ не обезсудь, коли не покажется... Въ лѣсу съѣжаемся, родомъ не считаемся... Вотъ мы кто таковы. Понялъ ли, старина?

— Какъ не понять, — проговорилъ старикъ: — хоть и красно сказываешь!

Старикъ дѣйствительно понялъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Царевы слуги, подумалъ онъ, значить о царицѣ ни гу-гу. Поэтому на разспросы казаковъ о томъ, что дѣлается въ Златоустѣ и въ окрестностяхъ, онъ сталъ рассказывать уже довольно спокойно, зная, куда надо гнуть, чтобы не попасть на сукъ.

— Сначала-то тихо у насъ было, — говорилъ онъ, усѣвшись на камень и прислонивъ свою палку къ выступу скалы. — Слышно было, что на Яикѣ у казаковъ царь объявился, покойный Петръ Өедоровичъ, здоровъ и невредимъ и съ воинствомъ многимъ... Да какъ вѣру-то дать... Мало ли что болтаютъ въ народѣ! Вѣдь и то сказать: то на Яикѣ, а у насъ начальство... чуть что, и въ батоги, разбирай тамъ на досугѣ. Только съ Николы Зимняго куда бойчѣе заговорили, да и башкирье ужъ очень доняло. Такіе разбой пошли, не приведи ты, Господи! Какъ за заводъ выѣхалъ... за сѣномъ или другой какой надобностью... такъ тутъ и жди бѣды. Слава Богу, коли самого живымъ отпустятъ, а лошадь угонять ужъ безпремѣнно. Вотъ тутъ-то и прослышали мы, что въ Бердѣ у царя новоявленного грамоты выдаются, чтобы, значить, башкирье

не забижало. Саткинцы ходоконъ посылали за этой самой грамотой, ну, и мы съ ними. И недѣли не прошло, какъ явился къ намъ царскій полковникъ... и пошли у насъ порядки новые. Управитель, какъ прослышалъ, что въ Саткахъ расправа пошла, все бросилъ и куда дѣвался, неизвѣстно. Пожалѣлъ потомъ полковникъ и попенялъ на стариковъ, что не задержали управителя. Быть бы ему на суку, ужъ это вѣрное дѣло... А вотъ теперь самого царя къ себѣ въ гости ждемъ. Говорятъ, что пожалуетъ скоро къ намъ на заводы...

— Кто-жъ это говорилъ, что самъ царь къ вамъ собирается?—спросилъ Пугачевъ.

— А третьеводни яицкіе казаки пріѣзжали, сказывали...

— Зачѣмъ пріѣзжали?

— Да мимоѣдомъ, вишь ты, на Сатку трафили... За ними и нашихъ ребятъ не мало увязалось. А нынче съ утра другой слухъ пошелъ...

Старикъ какъ-то оборвался и замолчалъ.

— Какой слухъ? Что-жъ не договариваешь?—быстро спросилъ Пугачевъ, сверкнувъ на старика глазами.

— Да, можетъ, и зря болтаютъ... Народъ, что баба!...

— Да говори толкомъ!.. Самъ-то ровно баба!..

— Болтаютъ, что царицыно войско идетъ къ намъ, и стануть вѣшать тѣхъ, кого казаки помиловали... Сказываютъ еще, что генералу-то ея приказъ такой вышелъ, чтобы поймать царя и подъ секретомъ въ Питеръ выслать... Десять тысячъ даетъ...

— За что десять тысячъ?—спросилъ Чумаковъ.

— А вотъ за то, коли поймаютъ кто царя и ему предоставитъ!

— Вотъ какъ!—протянулъ Чумаковъ и, оборотясь къ Пугачеву, проговорилъ:—видно, въ цѣну товаръ-то входитъ!.. Давно ли всего только пятьсотъ цѣлковыхъ сулили, а теперь, нако поди, десять тысячъ... Видно, спросъ большой!..

— Не то, чтобы спросъ большой, а товаръ рѣдкостный!—отозвался Пугачевъ, быстро взглянувъ на своего наперсника. — А я за этого нѣмца больше трехсотъ цѣлковыхъ не далъ бы... По боярину и говядина, по товару и цѣна!..

Казаки переглянулись между собой. Разговоръ какъ-то замялся. Всѣ занялись обѣдомъ, къ которому пригласили и старика.

Послѣ обѣда старика отпустили, хотя Пугачевъ настаивалъ было на томъ, чтобы его задержать, но въ концѣ концовъ уступилъ уговорамъ Чумакова.

Передъ вечеромъ Пугачевъ, въ сопровожденіи Чумакова и Оедьки, поднялся на вершину сопки. Чудная панорама открылась передъ ними съ этой уединенной вершины. Налѣво горы круто обрывались и небольшими возвышеніями и пригорками вдали постепенно переходили въ безконечную равнину; кое-гдѣ видны небольшія ка-

зачьи слободы. Направо казенныя слободы со всѣми удобствами, а сзади вечерняя Европа... Нынче будущее...

Пугачевъ, жденныя дѣла природы, мной мятежъ стоялъ на Идти впередъ?.. Кое-что...

Чумаковъ рвалъ его — А вѣдѣ въ зелѣ дороги.

— Гдѣ указанномъ — Да и есть!

Пугачевъ триваться — Михраются! — Сегомаковъ.

Послѣ Оедьку, о Казалось, — Ну, воднику:—

— Велидоръ, низк — Голо служба твоими поб Мѣсто над

И онъ — Крѣвонъ у тѣхъ западъ. —

зачьи слободы и поселки; ярче другихъ выступаетъ далекій Міась... Направо картина рѣзко измѣняется. Здѣсь нагромоздились безчисленные сопки и отроги Урала. Лѣсъ и горы, горы и лѣсъ... Сжатый со всѣхъ сторонъ, какъ бы раздавленный горами, виденъ Златоустъ, а около него расплавленнымъ золотомъ блеститъ подъ лучами вечерняго солнца заводскій прудъ... Налѣво Азія, направо Европа... Налѣво испытанное, пережитое; направо темное, загадочное будущее...

Пугачевъ пытливо смотрѣлъ вдаль, какъ будто эти нагроможденные другъ на друга горы, памятники многовѣковаго мятежа природы, могли дать какой нибудь отвѣтъ на запросы его собственной мятежной судьбы. Онъ стоялъ на рубежѣ Европы съ Азіей; онъ стоялъ на рубежѣ своей судьбы... Оставить все и бѣжать за Яикъ?.. Идти впередъ и пытаться счастье до конца?.. До конца... Какой конецъ?.. Конецъ въ Москвѣ... Въ Кремлѣ или на плахѣ?..

Чумаковъ, забравшійся съ нимъ на самую вершину, рѣзко прервалъ его размышленія.

— А вѣдь это Михельсоновы!—проговорилъ онъ, указывая внизъ, гдѣ въ зелени ельниковъ мѣстами виднѣлась голая лента большой дороги.

— Гдѣ ты видишь? Гдѣ?—очнулся Пугачевъ, всматриваясь въ указанномъ направленіи.

— Да вона же конные выѣзжаютъ!.. Некому быть больше... Онъ и есть!

Пугачевъ теперь и самъ разглядѣлъ и сталъ внимательно всматриваться въ двигавшійся по дорогѣ отрядъ.

— Михельсоновы... — проговорилъ онъ. — Къ Златоусту пробираются!

— Сегодня не проберутся, заночуютъ!—спокойно замѣтилъ Чумаковъ.

Послѣ минутнаго размышленія Пугачевъ подозвалъ къ себѣ Ѳедьку, остававшагося все время немного поодаль внизу на откосѣ. Казалось, онъ на что-то рѣшился, и рѣшился твердо.

— Ну, Ѳедоръ!—проговорилъ онъ, ласково обращаясь къ проводнику:—мнѣ нужна твоя служба!

— Вели служить, государь, вели голову сложить!—отвѣчалъ Ѳедоръ, низко кланаясь Пугачеву.

— Головы пока не нужно... Самому, поди, пригодится. Нужна служба твоя вѣрная. Можешь ли ты провести меня съ моими казаками поближе къ заводамъ, да не большою дорогою, а сторонкой?.. Мѣсто надо выбрать глухое, крѣпкое...

И онъ зорко посмотрѣлъ на проводника.

— Крѣпкое, говорить изволишь? Да чего же крѣпче Таганая, вонъ у тѣхъ сопокъ!—проговорилъ Ѳедоръ, указывая на сѣверо-западъ. — Крѣпъ такая, что не приведи ты, Господи! Отъ Злато-

уста рукой подать, да и къ Саткамъ не такъ, чтобы дивно далеко. А добратся можно. Вотъ ништо съ лошадьми несподручно будетъ... Конныхъ тропъ совсѣмъ нѣтъ, да и пѣшкомъ рѣдко кому проходить доводилось... Что-жъ попытаться можно!..

— А что за день дойдемъ?

— Надо дойти!..

Пугачевъ съ минуту сидѣлъ въ задумчивости. Наконецъ онъ всталъ и велѣлъ Ѳедору спуститься внизъ и позвать казака Творогова. Когда Ѳедоръ, прыгая съ камня на камень, совсѣмъ скрылся изъ вида, Чумаковъ, все время сидѣвшій молча, заговорилъ первымъ:

— Что такое задумалъ, Емельянъ Ивановичъ? — вкрадчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливо спросилъ онъ.

— А задумалъ я послать нашихъ ребятъ по заводамъ народъ подымать, а самимъ пробратся тѣмъ временемъ куда нибудь въ сторону и выждать. Наберу народу, ударю на Михельсонова, а тамъ и башкирье поднимется...

Пугачевъ говорилъ быстро; видно было, что твердо рѣшилъ онъ это...

— Дѣло, дѣло! — повторялъ Чумаковъ, видимо, и самъ обрадовавшись такому рѣшенію. — А ужъ мнѣ показалось, Емельянъ Ивановичъ, словно бы ты какъ-то раздумывать сталъ, словно опять за Яикъ потянуло тебя, какъ изъ-подъ Оренбурга!

— Нѣтъ, ужъ теперь не объ Яикѣ думать надо, а о Москвѣ, такъ-то...

— Что дѣло, то дѣло! И слушать любо!

Чумакова вообще всегда радовало, когда Пугачевъ затѣвалъ что нибудь, а не сидѣлъ, сложа руки, и не «бабился». Это былъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ людей если не самому Пугачеву, то его дѣлу. Ему было въ то время лѣтъ сорокъ пять; родомъ онъ былъ съ Яика. При Пугачевѣ Чумаковъ оставался до самаго конца и всегда былъ однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе опытныхъ начальниковъ. Поэтому лишь только Пугачевъ заговорилъ о дѣлѣ, онъ тотчасъ же оживился и сталъ уговаривать его не медлить, собирать народъ и пощипать «нѣмца», пока на помощь къ нему не подошли другіе отряды изъ пограничныхъ сибирскихъ крѣпостей.

Начало уже смеркаться, когда на вершину поднялся Твороговъ, молодой илецкій казакъ, лѣтъ тридцати двухъ, грамотѣй, секретарь Пугачева и составитель его воззваній и манифестовъ, которые массаи расходились среди заводскаго населенія и по всей Башкиріи. Ѳедоръ оставался внизу, пока на вершинѣ «Сторожеваго стана» происходило совѣщаніе Пугачева съ его полковниками. Рѣшено было на утро отправить троихъ казаковъ въ Златоустъ и Сатки съ манифестами и обѣщаніями трехсотъ рублей за голову Михельсона; остальнымъ пробратся горами къ р. Аю, гдѣ пока нельзя

ожидать М
ный пункт

Внизу
точки кос
ляло Пуга
ками даже
этомъ и ду
что отпуст
шинѣ «Ст

Едва т
покъ, каза
далъ послѣ
пробираться
тоустъ, а о
бились въ
чала шло
медвѣдьями
скоро даже
чезли всяк
принужден
приходилось
прочистить
нельзя уже
врагомъ на
къ нему ск
хатый избѣ
ненно уны

Маленьк
ными остав
подниматься
Ельникъ ст
была пройд
сопки Тага
болѣе знако
вечеромъ до

Отсюда
доръ были
остался съ
бѣлаго квар

1) Широка

2) Чистая

ожидать Михельсонова отряда. Тамъ же назначенъ былъ и сборный пунктъ.

Внизу подъ горой быстро стемнѣло; вдали показались свѣтлыя точки костровъ отряда Михельсона. Не болѣе трехъ верстъ отдѣляло Пугачева отъ его врага, но какихъ верстъ!.. Глухими ельниками даже днемъ трудно было пробраться; въ ночное же время объ этомъ и думать было нечего. Однако, Пугачевъ еще разъ пожалѣлъ, что отпустилъ старика, и на ночь остался съ Чумаковымъ на вершинѣ «Сторожеваго стана».

II.

Едва только забрежжила заря и позолотила голыя вершины сопкокъ, казаки уже были на ногахъ. Лошади осѣдланы. Чумаковъ далъ послѣднія инструкціи. Трое всадниковъ отдѣлились и стали пробираться прежней тропой на большую дорогу, ведущую въ Златоустъ, а остальные пятеро съ проводникомъ Ѳедькой во главѣ углубились въ глухіе ельники западной стороны Уральскаго гребня. Сначала шло что-то въ родѣ тропы, вѣроятно, издавна проложенной медвѣдями къ малиникамъ, покрывающимъ склоны сопки. Но скоро даже для невзыскательнаго взгляда уральскаго бродяги исчезли всякіе признаки тропы. Всадники давно уже спѣшились и принуждены были вести лошадей въ поводу. Все чаще и чаще приходилось пускать въ дѣло топоръ, чтобы хоть сколько нибудь прочистить себѣ дорогу. Глушь страшная, дѣвственная... Здѣсь нельзя уже бояться какихъ либо преслѣдованій: можно сойтись съ врагомъ на разстояніи пятнадцати шаговъ и, всетаки, не прорваться къ нему сквозь сплошную щетину ельниковъ. Даже медвѣдь и сохатый избѣгаютъ этой дремы... Здѣсь всегда тихо, всегда безжизненно уныло. Человѣку войти сюда—подвигъ, выйти—счастье...

Маленькій отрядъ Пугачева шелъ страшно медленно, съ постоянными остановками. Къ полудню прошли главную падь¹⁾ и стали подниматься на увалы, принадлежащіе уже къ Таганайскому гребню. Ельникъ сталъ рѣдѣть; чаще попадались еланочки²⁾. Самая глушь была пройдена. Впереди и, казалось, очень уже близко видны были сопки Таганая. Ѳедоръ меньше бросался въ стороны: пошли уже болѣе знакомыя ему мѣста. Можно было ѣхать верхами. Передъ вечеромъ добрались до голыхъ вершинъ Таганайскаго гребня.

Отсюда на запасныхъ лошадяхъ Твороговъ и проводникъ Ѳедоръ были отправлены въ Златоустъ съ манифестами. Пугачевъ остался съ Чумаковымъ и Шалинымъ. Почти отвѣсная скала изъ бѣлаго кварца поднималась недалеко отъ того мѣста, гдѣ располо-

¹⁾ Широкий логъ.

²⁾ Чистая лѣсная полянка.

жился маленькій станъ Пугачева. На ней-то онъ и провелъ почти цѣлыя сутки въ томительномъ ожиданіи вѣстей изъ Златоуста. Здѣсь, на этомъ «Орлиномъ гнѣздѣ», для него рѣшался вопросъ всей его дальнѣйшей судьбы. Встрѣтъ онъ отпоръ въ заводскомъ населеніи, и, можетъ быть, онъ незамѣтно пробрался бы за Яикъ, или за Кубань, и исчезъ бы почти безслѣдно. Что онъ былъ, загнанный въ глушь Таганая, почти голодный, безъ денегъ, безъ оружія, безъ людей? Но сила его была не въ немъ самомъ. Его выдвигала другая внѣшняя сила... Пугачевъ былъ нуженъ этой силѣ, и сгинь онъ въ глухихъ таганайскихъ ельникахъ, она выдвинула бы другаго Пугачева...

Цѣлый день прошелъ въ томительномъ ожиданіи. Твороговъ не ѣхалъ и не везъ никакихъ вѣстей изъ Златоуста. Пугачевъ былъ угрюмъ и видимо избѣгалъ всякихъ разговоровъ съ Чумаковымъ. Наконецъ, уже передъ самымъ вечеромъ на гребнѣ показалась кучка всадниковъ. То былъ Твороговъ съ златоустовцами, пріѣхавшими просить защиты у «батюшки надежи-государя» противъ баръ, башкиръ и всѣхъ, кѣмъ только были недовольны. Пугачевъ принялъ ихъ ласково и обѣщалъ расправиться со всѣми, кто забылъ долгъ свой предъ нимъ, истиннымъ государемъ. Говорилъ онъ не со всѣми, а только съ тремя выборными, которыхъ подвелъ къ нему Твороговъ. Остальные были потомъ допущены только къ «рукѣ государевой». Твороговъ, зная недостатокъ «царской» кухни, позаботился захватить съ собою провіанта и вина. Ужинъ у «Орлинаго гнѣзда» вышелъ на славу. Вечеромъ подошло изъ Златоуста еще нѣсколько партій. Всѣхъ подводили къ Пугачеву и всѣмъ онъ давалъ цѣловать свою руку. Большинство новоприбывшихъ были вооружены топорами и дубинами; у нѣкоторыхъ были винтовки; медвѣжатники явились даже съ рогатинами. Всю ночь пылали костры у «Орлинаго гнѣзда»; всю ночь шумѣлъ народъ, опьяненный не столько виномъ, сколько сознаниемъ предстоящаго разгула.

Твороговъ привезъ съ собою очень важное извѣстіе, которое сразу подняло упавшій было духъ Пугачева: за рѣкой Аемъ Бѣлобородовъ собралъ до 2.000 человѣкъ заводскихъ рабочихъ и башкиръ и, по слухамъ, собирается идти къ Саткамъ, гдѣ надѣется встрѣтить «государя». Пугачевъ такъ повеселѣлъ отъ этого извѣстія, что тутъ же, у костра, въ кругу выборныхъ и своихъ казаковъ сталъ бахвалиться.

— Да, лихіе у меня полковники,—говорилъ онъ:—не царицынымъ чета! Пройдутъ тамъ, гдѣ и волкъ не прорыскивалъ! Изъ камня войска понадѣлаютъ, да и бьютъ сверху, что орлы мелкую пташечку... Не такъ ли, атаманы-молодцы?

— У кого-жъ и быть орламъ-полковникамъ, коли не у тебя, государь?—отозвались атаманы, и круговая чарка зелена вина веселѣе заходила по рукамъ.

— А н
обратился

— Не с

— Ну,
у Михельсо

На утро

Вся его ша

щественно

дядъ и вс

нымъ. Кон

въ случаѣ

было столк

родовъ. По

башкиръ,

молодымъ

узналъ, что

къ Саткам

въ него рѣ

дня. Въ о

было до 2.

дрился ещ

скому зав

«измѣнник

была дорог

къ Саткам

тѣшить «ц

у берега А

Какъ в

тысячной

мало приго

артиллеріе

«измѣнник

Онъ дѣлал

тѣмъ по до

вать лишн

на заводѣ.

играть под

понимали

Тѣмъ не м

Чулкову г

притоку А

востокъ ш

высокій гр

вился на Р

верстахъ о

— А не слыхалъ, есть ли пушки у Бѣлобородова?—вдругъ обратился Пугачевъ къ Творогову.

— Не слыхалъ...

— Ну, да и то не бѣда!—весело заключилъ Пугачевъ.—Пушки у Михельсонова достанемъ!

На утро рѣшено было идти на соединеніе съ Бѣлобородовымъ. Вся его шайка состояла теперь человѣкъ изъ полутора ста, преимущественно златоустовскихъ рабочихъ, ближнихъ углежоговъ, бродягъ и всякаго сброда. Пугачевъ снова чувствовалъ себя сильнымъ. Конечно, шайка эта не могла обезпечить за нимъ успѣха, въ случаѣ столкновенія съ войсками, но вѣдь ему и не съ кѣмъ было столкнуться на всемъ пути къ р. Аю, гдѣ ждалъ его Бѣлобородовъ. По дорогѣ къ нему пристало нѣсколько мелкихъ партій башкиръ, шедшихъ къ Саткамъ на соединеніе съ Салаватомъ, молодымъ башкирскимъ предводителемъ. Отъ нихъ Пугачевъ узналъ, что Бѣлобородовъ не рѣшался пока придвинуться ближе къ Саткамъ и стоялъ станомъ на берегу рѣки Ая, при впаденіи въ него рѣки Сатки, гдѣ Пугачевъ и нашелъ его вечеромъ того же дня. Въ отрядѣ Бѣлобородова были и пушки, и порохъ. Народу было до 2.000 человѣкъ, большею частью башкиръ. Пугачевъ ободрился еще болѣе и, узнавъ о движеніи Михельсона къ Саткинскому заводу, рѣшилъ тотчасъ же ударить на него и наказать «измѣнника-офицера». Вечеромъ еще онъ распорядился, чтобы была дорога для него и для «его артиллеріи», а на утро двинулся къ Саткамъ. За ночь, конечно, дорога не поспѣла, хотя, чтобы погнѣшить «царя-батюшку», и стали было прорубать просѣку въ лѣсу у берега Ая.

Какъ ни бахвалился Пугачевъ, снова ставши во главѣ двухтысячной толпы всякаго сброда и явившись обладателемъ двухъ мало пригодныхъ пушекъ, которыя онъ громко называлъ «своею артиллеріей», какъ ни грозилъ при первой же встрѣчѣ повѣсить «измѣнника-офицера», онъ, всетаки, видимо боялся этой встрѣчи. Онъ дѣлалъ видъ, что очень торопится очистить Сатку, а между тѣмъ по дорогѣ туда сталъ нарочно кружить, самъ себя задерживать лишними переправами, видимо не желая застать Михельсона на заводѣ. Впередъ были посланы развѣдчики. Долго онъ не могъ играть подобную комедію: ближайшіе его сподвижники отлично понимали хитрость; у остальныхъ чесались руки на грабежъ. Тѣмъ не менѣе онъ двинулся на Сатку крайне неохотно. Перейдя Чулкову гору, онъ пошелъ вверхъ по рѣкѣ Уструть, небольшому притоку Ая съ лѣвой стороны, и затѣмъ круто повернулъ на востокъ широкимъ логомъ къ хребту Сулеѣ. Переваливъ этотъ высокій гребень, весь заросшій сплошнымъ лѣсомъ, онъ остановился на Вилесовой горѣ, на берегу рѣки Большой Сатки, въ 15 верстахъ отъ Саткинскаго завода. Заночевавъ здѣсь, на утро 30-го

мая двинулись дальше. Развѣдчики не привезли ничего утѣшительнаго: Михельсонъ продолжалъ стоять у Сатковъ. Переправились черезъ Большую Сатку, потомъ черезъ притокъ ея Бердяушъ и, пройдя не болѣе трехъ верстъ, остановились на обѣдъ¹⁾. Къ вечеру Пугачевъ получилъ точныя извѣстiя, что Михельсонъ двинулся къ Симскому заводу на преслѣдованiе Салавата, собравшаго около себя до тысячи башкиръ. Обрадованный этимъ извѣстiемъ, Пугачевъ уже энергичнѣе двинулся впередъ и 31-го мая послѣ полудня достигъ Сатковъ, употребивъ такимъ образомъ болѣе двухъ сутокъ, чтобы пройти 30 верстъ. Зато онъ избѣжалъ на этотъ разъ опасной встрѣчи.

III.

Пока Михельсонъ стоялъ около Сатковъ, здѣсь все было спокойно. Разбѣжавшіеся во время башкирскихъ разбоевъ и наѣздовъ вольныхъ казаковъ надсмотрщики и заводское начальство вернулись снова къ своимъ мѣстамъ. Рабочіе притихли и ничѣмъ не обнаруживали своего сочувствiя самозванцу. Но лишь только правительственная войска отошла къ Симскому заводу, а на мѣстѣ ихъ показались толпы Пугачева, все пришло въ движеніе. О предстоящемъ прибытіи «батюшки» многіе знали раньше, и лишь только Пугачевъ на своемъ бѣломъ конѣ въ сопровожденіи большой свиты показался при вѣздѣ въ селеніе, къ нему потянулася процессiя съ хлѣбомъ-солью, а на колокольнѣ начался трезвонъ въ честь «новоявленнаго царя». Со всѣхъ сторонъ потянулись къ Пугачеву съ жалобами на притѣснителей; каждый тащилъ своего недруга, обвиняя его часто въ несуществующемъ преступленіи. Пугачевъ распорядился запереть несчастныхъ подъ караулъ, отложивъ судъ до другаго дня; смѣнилъ старшинъ и начальниковъ, замѣнивъ ихъ своими приближенными, и, поручивъ Бѣлобородову главное начальство надъ заводомъ, самъ съ небольшимъ отрядомъ казаковъ ускакалъ по дорогѣ къ Златоусту и расположился станомъ около деревни Медвѣдовой, у подножiя горы Дѣлежной (отрогъ Лиловыхъ горъ), на правомъ берегу р. Ая. Боялся ли онъ внезапнаго возвращенiя Михельсона, или что другое заставляло его подальше убраться отъ Сатковъ, сказать трудно, но только какъ въ этотъ, такъ и въ остальные дни онъ большую часть времени проводилъ въ своемъ стану на берегу р. Ая. Туда же явилась и Дуняша, пятнадцатилѣтняя дочь одного заводскаго крестьянина, приглянувшаяся Пугачеву во время его торжественнаго

¹⁾ Недавно на мѣстѣ Пугачевского становища у Бердяуша найденъ большой чугунный котель, въ которомъ, вѣроятно, готовился обѣдъ во время этой остановки.

въѣзда въ
его коротко
На друг
для суда и
сѣлицы, о
Пугачевъ у
танѣ. Вокру
роговъ и др
Когда успѣ
тельной лю
успѣла она
тельницу, п
дня начала
нея давно з
жертвъ был
по ея насто
ней просто
сти опьянил
самъ того х
пребыванiя
рода изъ др
жище. Съ п
чальствующ
какъ нибуд
на простыхт
себѣ лице са
валъ подозр
кого вѣшать
звѣрская ра
совсѣмъ оз
ковъ... Пугач
Къ вечер
рился. Сюд
Подъ громад
гачевъ со
вино и пѣсн
У палат
думчиво си
угрюмъ. Эт
когда тому
бы хорошо
и помѣха, а
походъ на М
Вдругъ и
заунывную

въѣзда въ Сатку и игравшая потомъ не послѣднюю роль во всей его короткой, но бурной жизни.

На другой день Пугачевъ въѣзжалъ въ Саткинскій заводъ для суда и расправы. На площади около церкви красовались висѣлицы, о которыхъ еще съ вечера позаботился Бѣлобородовъ. Пугачевъ усѣлся въ кресла въ новомъ расшитомъ галунами кафтанѣ. Вокругъ него расположились Бѣлобородовъ, Чумаковъ, Твороговъ и другіе полковники. Тутъ же за кресломъ стояла и Дуня... Когда успѣла эта пятнадцатилѣтняя дѣвочка войти въ роль вліятельной любовницы всемогущаго въ эти дни Пугачева, когда успѣла она изъ ребенка превратиться въ какую-то фурію-мстительницу, положительно непонятно. Но только она съ перваго же дня начала распоряжаться висѣлицей, какъ будто это было для нея давно знакомымъ, привычнымъ дѣломъ, и много невинныхъ жертвъ было вздернуто въ этотъ день на перекладину единственно по ея настоянію. Едва ли ей было кому мстить сознательно; въ ней просто проснулся звѣрь; жажда крови, а, можетъ быть, и власти опьянила ее... Въ угоду ей Пугачевъ повѣсилъ больше, чѣмъ самъ того хотѣлъ. А вѣшать и безъ того нашлось кого... Во время пребыванія Михельсона въ Саткахъ, сюда явилось не мало народа изъ другихъ мѣстъ, въ надеждѣ найти здѣсь безопасное убѣжище. Съ появленіемъ Пугачева обстоятельства измѣнились. Насмѣлившіяся лица и вообще интеллигентный классъ старались какъ нибудь замаскировать себя, чтобы только больше походить на простыхъ рабочихъ: одѣвались въ невозможную рвань, пачкали себѣ лице сажей и т. п. Рассказываютъ, что Пугачевъ приказывалъ подозрительнымъ людямъ мыть руки и по этому узнавалъ, кого вѣшать и кого поверстать въ казаки. Пока на площади шла звѣрская расправа, изъ погребовъ выкатывались бочки... Народъ повсюду озвѣрѣлъ... Вспыхнула заводская контора, затѣмъ церковь... Пугачевцы праздновали свою дешевую побѣду.

Къ вечеру станъ у деревни Медвѣдовой значительно расширился. Сюда явились цѣлыя партіи изъ Сатковъ и Златоуста. Подъ громадной березой раскинулась палатка, гдѣ пировалъ Пугачевъ со своею Дуняшкой. Повсюду костры, повсюду народъ, вино и пѣсни...

У палатки Пугачева передъ костромъ на кучкѣ хвороста задумчиво сидѣлъ Чумаковъ. Онъ одинъ изъ всей ватаги былъ стрюмъ. Это былъ лучшій слуга Пугачева, но только не тогда, когда тому приходила охота «бабиться». Онъ рассчитывалъ, какъ бы хорошо было теперь ударить на Михельсона... Вѣдь онъ только помѣха, а то широкая дорога куда хочешь, хоть на Волгу... Въ походъ на Москву онъ никогда не вѣрилъ... а вотъ на Волгу бы...

Вдругъ изъ палатки послышался голосъ Дуняши. Она затянула заунывную дѣвичью пѣсню:

«Ноетъ мое сердечушко, ноетъ, занываетъ,
«Гинетъ моя головушка, гинетъ, спогибаетъ»...

— Не ту, не ту... Кого хоронишь! Пой веселую!—слышится голосъ Пугачева, и самъ онъ, красный отъ вина, въ кафтанѣ на распашку вышелъ изъ палатки. За нимъ вышла Дуняша и остановилась у входа палатки. Пугачевъ тотчасъ же замѣтилъ, что Чумаковъ чѣмъ-то недоволенъ, на что-то хмурится.

— Что, полковникъ мой, не весель? Что буйну голову повѣсилъ? — съ напускною веселостью заговорилъ онъ, присаживаясь тутъ же у костра. — Али мало потѣшились нынче въ Саткахъ? Али вѣсти дурныя получилъ откуда?

— Потѣха не дѣло, не велика честь...—угрюмо проворчалъ Чумаковъ.

— Знаю, знаю!—перебилъ его Пугачевъ. — Тебѣ бы драться все съ супротивникомъ! Что-жъ, и драться будемъ... Дай срокъ!

— Срокъ-то великъ больно выйдетъ, коли бабиться начнемъ!

Пугачевъ нахмурился. Къ нему отъ палатки медленно подходила Дуняшка.

— Государь, а что я молвлю, коли дозволишь!—вкрадчиво проговорила она.

— Ну, что тамъ еще?—грубо отозвался Пугачевъ.

— Спросить тебя, государь, хотѣла, когда нѣмца бить пойдешь?

— Цыцъ! — прикрикнулъ на нее Пугачевъ, и глаза его засверкали гнѣвомъ.

— Когда, спрашиваю, нѣмца бить пойдешь?—не унималась та.

— Замолчишь ты, или нѣтъ, я говорю!—окончательно взбѣсился Пугачевъ.—А то сейчасъ за косу да въ воду!

— Не бось, выплыву, не таковская!

Пугачевъ не сразу нашелся, что сказать. Нѣсколько секундъ онъ молча смотрѣлъ на нее, потомъ весело расхохотался и проговорилъ:

— Ай да дѣвка! Люблю такихъ... непугливая!.. Молодецъ Дуняшка!

Чумаковъ плюнулъ и отошелъ отъ костра.

Но не прошло и четверти часа, какъ къ нему явился посланный звать его въ палатку «государеву». Когда онъ снова явился къ костру, тамъ уже сидѣли Бѣлобородовъ, Твороговъ и другіе атаманы. Изъ палатки показался Пугачевъ и заговорилъ какъ-то быстро, словно торопясь поскорѣе высказать все.

— Ну, атаманы-молодцы, я созвалъ васъ сюда, чтобъ объявить вамъ свою волю государеву. Развѣдчики донесли мнѣ, что измѣнникъ мой Михельсоновъ отъ гнѣва нашего справедливаго бѣжалъ къ Кигамъ вмѣстѣ съ мятежнымъ своимъ отрядомъ. Нужно наказать измѣнника, а потому, атаманы-молодцы, объявляемъ мы на завтра походъ...

— Доб

— Лад

Чумаковъ

на палатк

Вѣсть

еще болѣ

звончѣе и

Между

вать отряд

нымъ голо

утромъ 3

гдѣ пресл

Верхнія Б

скихъ кр

лобородов

Кыштыме

Кигамъ.

дѣли, Бѣ

время, ка

мятежник

Саткинско

найдя здѣ

своему изм

шенно нес

нувшіяся

По дор

сотнями б

номъ и ск

Пугачева

тавшимъ

времени н

сказывают

тались; дл

хельсонъ

Михельсов

тысячи че

выми нап

пойти въ

тря по об

болѣе, что

мѣстахъ е

никакъ не

— Доброе дѣло!—проговорилъ Бѣлобородовъ.

— Ладно, хорошо!—поддержали другіе атаманы.

Чумаковъ промолчалъ и только злобно улынулся, скосившись на палатку.

Вѣсть о походѣ быстро разнеслась по всему стану. Разгуль еще болѣе усилился, костры запылали ярче, зазвучала пѣсня звончѣе и безшабашнѣе въ остывшемъ ночномъ воздухѣ.

IV.

Между тѣмъ, Михельсонъ, оставившій Сатки, чтобы преслѣдовать отрядъ башкиръ, предводительствуемыхъ молодымъ и отчаяннымъ головорѣзомъ Салаватомъ Юлаевымъ, настигъ мятежниковъ утромъ 31-го мая и послѣ жаркаго боя отбросилъ ихъ въ горы, гдѣ преслѣдованіе было уже невозможно. Узнавъ, что у деревни Верхнія Киги собираются толпы мятежныхъ башкиръ и заводскихъ крестьянъ, и что ихъ вербуетъ для арміи самозванца Бѣлобородовъ, бѣжавшій послѣ занятія правительственными войсками Кыштымскаго и Каслинскаго заводовъ, Михельсонъ двинулся къ Кигамъ. Но движеніе это было уже запоздалымъ. Какъ мы видѣли, Бѣлобородовъ раньше соединился съ Пугачевымъ, и въ то время, какъ Михельсонъ, разбивъ Салавата, двинулся къ Кигамъ, мятежники хозяйничали уже въ только-что оставленномъ имъ Саткинскомъ заводѣ. 2-го іюня Михельсонъ достигъ Киговъ и, не найдя здѣсь никого, рѣшилъ дать хотя бы небольшой отдыхъ своему измученному отряду. Здѣсь-то на другой день его совершенно неожиданно окружили толпы Пугачева, накануне еще двинувшіяся изъ стана при дер. Медвѣдовой...

По дорогѣ къ Кигамъ Пугачевъ усилился еще нѣсколькими сотнями башкиръ, за два дня передъ тѣмъ разбитыхъ Михельсономъ и скрывшихся въ горахъ. Тутъ произошло первое свиданіе Пугачева съ молодымъ Салаватомъ Юлаевымъ, много уже поработавшимъ для мятежа собственно въ горной Башкиріи, но до того времени ни разу не встрѣчавшимся съ самимъ Пугачевымъ. Рассказываютъ, что они сразу узнали другъ друга и тутъ же побратались; для торжественнаго представленія не было времени: Михельсонъ былъ близко. На общемъ совѣтѣ было рѣшено не ждать Михельсона, а самимъ атаковать его. Башкиры въ числѣ около тысячи человекъ подъ начальствомъ Салавата должны были первыми напасть на Михельсона, а Пугачевъ съ остальными 1.500 пойти въ обходъ лѣсомъ и ударить съ фланга или въ тылъ, смотря по обстоятельствамъ. Планъ былъ составленъ превосходно, тѣмъ болѣе, что Михельсонъ былъ въ полной увѣренности, что въ этихъ мѣстахъ ему придется имѣть дѣло только съ башкирами, и онъ никакъ не могъ думать, что Пугачевъ такъ близко отъ него. Но

счастіе, повидимому, было не на сторонѣ Пугачева всякій разъ, когда ему приходилось сталкиваться съ Михельсономъ. Такъ было и теперь.

Съ крикомъ и визгомъ кинулись башкиры на отрядъ Михельсона и, казалось, неминуемо должны были смять его. Но казаки Михельсона не стали ждать натиска и бросились въ контръ-атаку. Схватка была ожесточенная, но продолжалась не долго: башкиры смѣшались и бросились вразсыпную. Казаки подъ предводительствомъ самого Михельсона и маіора Харина увлеклись преслѣдованіемъ и далеко оставили за собою другую часть отряда, обозъ и артиллерію, на которыя и ринулся Пугачевъ, скрывавшійся до сихъ поръ въ лѣсу. Для Михельсона это былъ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ во всѣхъ его прежнихъ и послѣдующихъ столкновеніяхъ съ мятежниками. Только личное мужество предводителя и необыкновенная стойкость солдатъ рѣшили дѣло въ пользу правительственныхъ войскъ: Пугачевъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ.

Поручивъ Чумакову и Бѣлобородову собирать остатки своей «арміи», самъ онъ въ тотъ же вечеръ прискакалъ въ Сатки, гдѣ командиршей оставалась Дуняшка, «государева женка». Захвативъ ее съ собою, онъ опять уединился на своемъ становищѣ у горы Дѣлешной. Снова попойка, снова пѣсни Дуни и бахвальство о томъ какъ онъ «ощипалъ нѣмца».

Казалось, этотъ человекъ былъ весь сотканъ изъ крайностей... Пылкій и холодный, съ желѣзной волей и малодушный, онъ быстро переходилъ отъ неутомимой дѣятельности къ полной апатіи. Развѣ не желѣзной волей долженъ былъ обладать человекъ, залитый кровью и огнемъ чуть не половину Россіи? Развѣ не малодушнымъ былъ онъ, при малѣйшей неудачѣ начинавшій считать свое дѣло потеряннымъ и самымъ серьезнымъ образомъ собираться за Кубань или на Яикъ? Сотни разъ думалъ онъ бросить все и ступешаться, и сотни разъ какая-то воля, лежащая не въ немъ самомъ, а въ окружающихъ его людяхъ и обстоятельствахъ, круто поворачивала его назадъ на путь убійствъ и пожаровъ... Малѣйшая удача, и въ немъ какъ бы по волшебству исчезали всѣ сомнѣнія, и онъ несся впередъ, какъ ураганъ, все уничтожая на своемъ пути, проявляя кипучую дѣятельность, неутомимую желѣзную энергію... Онъ нуженъ былъ, какъ вывѣска бунта, какъ механическій центръ движенія, часто мнимый, фиктивный, и въ этомъ вся его сила. Не Пугачевъ создалъ это движеніе, всколыхнувшее всю Россію отъ Яика до Петербурга и Великаго Океана, а движеніе это создало Пугачева...

Разбитый Михельсономъ и прискакавшій въ свой станъ, онъ, казалось, не столько былъ опечаленъ исходомъ битвы, сколько радъ тому, что около него не было теперь Чумакова съ его вѣч-

ными укор
лобородовъ
одной выв
бургомъ ем
жила его
толпы и п
о томъ, чт
особенности
день поки
сто человек
вая схватк

Вечером
Саткахъ, а
силенный,
не не был
оставлять
приказъ в
словамъ Пу
его саткин
разстаться.
Пройдя, од
къ озеру З
ственные в
Златоустъ
Пугачевъ с
Магнитной

1) Въ изд
капитальномъ
объяснимыхъ
у деревни Ки
нахъ рѣки А
у Киговъ онъ
стахъ отъ от
Топографичес
пробратся к
вереть и пере
тянется къ ю
говорится же
регъ Міаса, т
и ужъ, конеч
фіи такіе кон

2) Нынѣ
большой Злат

3) Почти
что Пугачевъ
Пугачевъ ник
при своемъ д
чали только в

ными укорами. Одно только смущало его, какъ бы Чумаковъ, Бѣлобородовъ и другіе атаманы совсѣмъ не покинули его и вмѣсто одной вывѣски не выдвинули другой. Еще въ Бердѣ подъ Оренбургомъ ему какъ-то намекали на это. Только эта мысль и тревожила его во время веселой попойки подъ крики подгулявшей толпы и пѣсни окончательно завладѣвшей имъ Дуняшки. Мысль о томъ, что на Аю дожидается его войско и что атаманы, а въ особенности Чумаковъ, ропщутъ, заставила его утромъ на другой день покинуть гостепріимную палатку и съ коннымъ отрядомъ въ сто человѣкъ углубиться въ горы. На другой день (5-го іюня) новая схватка съ Михельсономъ и новое пораженіе¹⁾.

Вечеромъ съ остатками своей «арміи» Пугачевъ уже гулялъ въ Саткахъ, а отрядъ Михельсона, окончательно изнуренный и обезсиленный, уходилъ по направленію къ Уфѣ. Вѣроятно, это движеніе не было извѣстно Пугачеву; иначе ему не зачѣмъ было бы оставлять беззащитную теперь Башкирію. На утро былъ отданъ приказъ выступить на Златоустъ, а оттуда «за гребень», гдѣ, по словамъ Пугачева, его ожидали войска. Съ нимъ же поѣхала и его саткинская красавица Дуняша, съ которой онъ никакъ не могъ разстаться. Толпы двинулись по старому Казанскому тракту²⁾. Пройдя, однако, верстъ десять, Пугачевъ круто повернулъ на югъ къ озеру Зюракъ-Куль, узнавъ, что къ Златоусту идутъ правительственные войска. Извѣстіе это оказалось ложнымъ, но оно спасло Златоустъ отъ окончательнаго разграбленія³⁾. Повернувъ на югъ, Пугачевъ скоро вышелъ на берегъ Большой Сатки, гдѣ острый мысъ Магнитной горы преграждалъ ему дальнѣйшее движеніе по бе-

¹⁾ Въ изложеніи обстоятельствъ этихъ двухъ битвъ у Дубровина въ его капитальномъ трудѣ «Пугачевъ и его сообщники» есть два положительно необъяснимыхъ мѣста. Такъ, онъ говоритъ: «послѣ весьма горячей схватки (3 іюня у деревни Киги) Пугачевъ былъ отбитъ и преслѣдуемый скрылся въ вершинахъ рѣки Ая» (стр. 42). И далѣе на слѣдующій страницѣ: «на утро послѣ боя у Киговъ онъ (Михельсонъ) узналъ, что Пугачевъ ночевалъ всего въ 15-ти верстахъ отъ отряда и переправляется на противоположную сторону рѣки Міаса». Топографически это положительно невозможно, такъ какъ, чтобы изъ Киговъ пробраться къ верховьямъ Ая, надо проскакать по прямому направленію 90 верстъ и пересѣчь при этомъ почти непроходимый хребетъ Нургушъ, который тянется къ югу отъ озера Зюракъ-Куля. Это тѣмъ болѣе невозможно, что далѣе говорится же, что тотъ же Пугачевъ переправлялся на противоположный берегъ Міаса, то-есть, что онъ былъ уже на азіатской сторонѣ Уральскаго хребта и ужъ, конечно, не въ 15-ти верстахъ отъ Киговъ. Словомъ по мѣстной топографіи такіе концы немыслимы.

²⁾ Нынѣ скотопрогонный трактъ, идущій отъ Сатковъ нѣсколько южнѣе большой Златоустовской дороги.

³⁾ Почти всѣ историки Пугачевского бунта говорятъ вскользь, впрочемъ, что Пугачевъ разгромилъ Златоустъ, однако навѣрное можно сказать, что самъ Пугачевъ никогда не былъ въ Златоустѣ; онъ именно оставилъ его въ сторонѣ при своемъ движеніи отъ Сатковъ. Въ немъ отъ времени до времени хозяйничали только небольшіе отряды, дѣйствовавшіе, впрочемъ, именемъ Пугачева.

регу. По распоряженію Пугачева, мысль этотъ былъ скрытъ и съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ «Пугачевской Копани»¹⁾. Переночевавъ на озерѣ Зюракъ-Куль, на другой день 7-го іюня толпы Пугачева перевалили Уренгу и выбрались къ деревнѣ Веселовской на рѣкѣ Аѣ, а отсюда уже снова на азиатскую сторону Урала.

Втеченіе нѣсколькихъ дней Пугачевъ оставался здѣсь, повидимому, безъ всякой цѣли и пользы для себя: разоренныя станицы и слободы не могли уже доставить ему большой добычи. Между тѣмъ, Бѣлобородовъ послѣ неудачной схватки съ Михельсономъ не вернулся въ Сатку, а ушелъ на Пермскіе заводы и теперь звалъ туда и Пугачева. Чумаковъ ругался, совѣтовалъ бросить «бабится» и ударить на Казань.

— На Казань! Тамъ ждетъ меня Павелъ Петровичъ съ 20.000 войска!—сразу надумалъ Пугачевъ.—На Казань... Что-жъ въ самомъ дѣлѣ бить мнѣ здѣсь измѣнниковъ-генераловъ да возиться съ башкирьемъ! Пора дать знать о себѣ всему народу великороссійскому!

И застонала Кама, когда хлынулъ на нее этотъ бурный потокъ съ Урала, окрасилась кровью народною, освѣтилась заревомъ пожаровъ... Рухнула Казань, и ураганъ двинулся внизъ по Волгѣ... То тамъ, то здѣсь, мелькало то посконное, то шелковое бѣлое знамя; то тамъ, то здѣсь, громыхала пушка въ честь новоявленнаго царя... Но вотъ громыхнули своимъ гнетущимъ звономъ кандалы на рукахъ и ногахъ Пугачева, и стихла Волга, Кама и буйный Яикъ... Только не сразу улеглась волжская волна: всплески ея слышались еще долго, долго послѣ того уже, какъ въ Москвѣ на Болотѣ разнесли на четыре части тѣло казака Емельяна...

Саткинская Дуняша оставалась при Пугачевѣ почти до самаго его конца. За нѣсколько дней до поимки, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, онъ подарилъ ей свой поясъ, полный червонцами, который постоянно носилъ на себѣ, и отпустилъ ее со словами:

— Вотъ тебѣ, Дуняшка, отъ меня на память! Тебѣ этого хватить на твой вѣкъ... А мнѣ ужъ скоро конецъ, видно, приходитъ!

Съ этими деньгами она вернулась въ Сатку и зажила какъ ни въ чемъ не бывало. Когда она была еще при Пугачевѣ, во время его пребыванія въ Саткахъ, кое-что изъ награбленнаго она припрятала въ окрестностяхъ завода и въ особенности на стану у деревни Медвѣдовой.

Вернувшись на родину, она принялась за розыски; часть нашла, но многое такъ и оставила не розысканнымъ, забывъ примѣты, ко-

¹⁾ На картахъ на этомъ мѣстѣ значится гора Копанецъ.

торья дѣ
не очень
самой сл
громѣ зав

Въ на
щины, но
Разказы
веселый
деревни
лѣсу под
всегда по
шитой зол
ель, дѣла
чтобы от
И не вдо
А въ это
лопатою,
вглядь пр
Всѣ ели,
дается кл
вдругоря
рина, что
и самоцв
Иванович

торья дѣлала, когда зарывала свои сокровища. Эта Дуня умерла не очень еще давно; и теперь живы ея внуки, которые отъ нея самой слышали рассказы о ея знакомствѣ съ Пугачевымъ, о разгромѣ завода и о странствіяхъ ея съ арміей самозванца.

Въ народѣ живы еще воспоминанія о зломъ времени Пугачевщины, но воспоминанія эти приняли уже легендарный характеръ. Рассказываютъ, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ раскинутъ веселый станъ Пугачева у подножія горы Дѣлежной, недалеко отъ деревни Медвѣдской, зарытъ богатѣйшій кладъ. Онъ зарытъ въ лѣсу подъ громадной елью. Мѣсто это признать легко: на немъ всегда показывается или быкъ, или конь, или татаринъ въ расшитой золотомъ ермолкѣ. Не мало охотниковъ «натыкались» на эту ель, дѣлали на ней затесы, но когда возвращались съ лопатами, чтобы отрывать кладъ, ни ели, ни затесовъ на ней не находили. И не вдомекъ вѣдь никому взять съ собою щепы отъ затесовъ. А въ этомъ-то и все дѣло. Сдѣлаешь человѣкъ затесы, уйдетъ за лопатой, а нечистая сила и начинаетъ орудовать: щепы опять вглядъ пристанутъ къ дереву. Плутаетъ, плутаетъ... нѣтъ затесовъ. Всѣ ели, какъ одна... Подъ которой рыть станешь? Такъ и не дается кладъ. А кто знаетъ, что щепы съ собою надо взять, тому вдругорядъ ужъ не случалось видѣть ни быка, ни коня, ни татарина, чтобы опознать это мѣсто... А много золота, много серебра и самоцвѣтныхъ камней собралъ тамъ вольный казакъ Емельянъ Ивановичъ...

К. Горбуновъ.

